

Иван Забелин

ДОМАШНИЙ БЫТ
РУССКИХ ЦАРИЦ
В XVI И XVII СТОЛЕТИЯХ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 94(47).04
ББК 63.3(2)
3 12

Серийное оформление Вадима Пожидаева
Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

ISBN 978-5-389-26896-8

© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

ГЛАВА I

ЖЕНСКАЯ ЛИЧНОСТЬ В ДОПЕТРОВСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Общие черты положения женской личности в допетровском обществе. — Суждение Котошихина и суждения исследователей-идилликов. — Коренное начало древнерусского общества. — Родовой быт. — Идиллия семейно-общинного быта. — Смысл рода и смысл общины. — Родовая идея есть идея родительской воли-опеки. — Достоинством личности было «отечество». — Местничество и вече суть выражения древнерусской общественности. — Существенный ее характер. — Родовая идея — воспитательница русской личности. — Домострой — школа личного развития. — В чем полагалась самостоятельность личности. — Основные черты характера русской личности. — Господарство воли и детство воли. — Общая характеристика допетровского общества.

Котошихин в известном своем сочинении «О России в царствование Алексея Михайловича» рассказывает, что когда были московские послы на свадьбе у польского короля, то правили посольство и подносили свадебные дары от царя и от царицы особо королю и особо королеве. Править посольство значило исполнять его самолично пред лицом potentата. Желая в той же мере отблагодарить московского царя, и польский король посылал к царю своих послов и велел посольство править и дары подносить от себя и от королевы царю и царице, тоже каждому особо — так, как делали наши послы в Польше. Этого, конечно, требовало обычное вежество, обыкновенный этикет во взаимных сношениях двух государей. Но, справив посольство и поднеся дары царю, польские послы *по московскому обычаю* не были допущены к царице. «А к царице посольства править и ее видеть не допустили, — говорит Котошихин, — а отговорились тем: назвали царицу больною; а она в то время была здорова. И слушал у послов посольства, т. е. обычные речи, и дары за царицу принимал царь сам». Точно то же случилось с анг-

лийским послом, приезжавшим к царю с дарами по такому же поводу в 1663 г.

«Для чего так творят?» — вопрошает Котошихин, желая открыть иноземцам, для которых он писал свое сочинение, истинные причины этого обычая и делая с этою целью сей достопамятный ответ.

«Для того, — отвечает он, — что Московского государства *женский пол грамоте неученые, и не обычай тому есть, а породным разумом простоваты, и на отговоры несмышлены и стыдливы: понеже от младенческих лет до замужества своего у отцов своих живут в тайных покоях, и oprичь самых ближних родственников, чужие люди, никто их, и они людей видети не могут.* И потому можно дознаться, от чего б им быти гораздо *разумными и смельми.* Так же как и замуж выдут, и их потому ж люди видають мало. И только б царь в то время учинил так, что польским послом велел быть у царицы своей на посольстве; а она бы, выслушав посольства, собою ответа не учинила б никакого, и от того пришло б самому царю в стыд»¹.

Настоящий случай, почему царица не вышла принять посольство, Котошихин объясняет не совсем верно, ибо править посольство иноземным послам прямо пред лицом царицы строго воспрещал стародавний обычай. Послы не могли видеть царицу не потому, что царь боялся стыда от ее несмышленных и стыдливых отговоров, а потому, что хоромы царицы были совсем недоступны не только для иноземных послов, но и для своего народа, даже для боярства и всего двора, за исключением самых близких ей людей, обыкновенно близких ее родственников или самых доверенных слуг двора. Но, неверно объясняя частный случай, Котошихин очень верно и вполне обстоятельно изображает вообще положение женской личности в нашем старом обществе, рисует действительность, над постепенным созиданием которой усердно работали целые века и целый ряд поколений. Короткими словами, но очень живо он рисует вместе с тем и характеристику самого общества, ибо характеристика женской личности всегда служит вполне верным изображением самого общества. Напрасно мы будем отвергать суровую, быть может,

¹ *Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича.* [СПб., 1884.] С. 44.

слишком жесткую правду этого отзыва, приводя в доказательство некоторые имена, заявившие своею жизнью и умственную, и нравственную самостоятельность женской личности; напрасно мы будем смягчать простую и, может быть, оттого слишком грубую и резкую силу этих неподкупных слов, указывая на некоторые идиллии, в которых выражались, иногда даже очень благодушно, семейные и общественные отношения женской личности и которые, сказать по правде, в той красоте, какая им приписывается, существуют только в воображении добрых защитников всего доброго и нравственного по форме. Ни одиночное какое-либо имя, т. е. личность, которая всегда может при известных обстоятельствах жизни выдвинуть себя из общего течения, даже с особенною славою; ни благодушная какая-либо идиллия, которая точно так же *бывает*, как и все, и всегда бывает и случается в человеческой жизни, словом сказать: никакие частные и потому случайные явления не в состоянии заслонить от нас в этих словах настоящий свет жизненной правды, настоящий свет действительной, а не воображаемой жизни. Отзыв Котошихина оправдывается не какими-либо исключительными одиночными явлениями, а всем строем допетровского русского быта, общим положением и умоначертанием тогдашней жизни, всею нравственною стихиею общества. Некоторые исторические явления, некоторые юридические определения, придававшие женщине самостоятельный смысл, не могут колебать самой основы старых воззрений. Такие личности, как, например, Софья Витовтовна — литовка, Софья Фоминишна — гречанка, Елена Васильевна Глинская — тоже иноземка, которые, как известно, пользовались некоторою долею женской свободы, по крайней мере иногда принимали лично иноземных послов и не прятались в своих хоромах, когда обстоятельства требовали их участия в подобных церемониях¹; такие личности, как иноземки,

¹ Контарини рассказывает между прочим, что при его отъезде из Москвы великий князь Иван Васильевич пожелал, чтоб посол представился великой княгине Софье, «что и было мною исполнено с приличными приветствиями и поклонами. Великая княгиня обошлась со мною весьма вежливо и ласково и убедительно просила поклониться от нее светлейшей нашей республике (Венецианской). После сего я распротился с нею и возвратился в свое жилище». Подобные приемы впоследствии были уже немислимы.

ничего не могут объяснять в отношении общей характеристики. Некоторая доля самостоятельности принадлежала им отчасти потому, что они были *чужие*, что личность их, по их иноземству и по высокому значению их рода, сама собою уже приобретала в глазах русского общества особенное, независимое положение, которое ни в каком случае не могло равнять их со *своими*, а потому и освобождало некоторые их поступки от привычных ограничений женского быта. Но воспитанные в обычаях, дававших больший простор женской личности, они, однако ж, в московском дворце должны были жить так, как повелось исстари, т. е. должны были подчиниться тем понятиям и порядкам жизни, какие повсеместно господствовали в русской земле. А эти понятия почитали весьма *ззорным* всякое обстоятельство, где женская личность приобретала какой-либо общественный смысл. Эти понятия признавали ее свободу, и то в известной мере, в одних лишь семейных отношениях и в положениях исключительно семейного общежития. Как скоро общежитие принимало какую-либо форму общественности и из домашней, семейной сферы переходило в сферу жизни публичной, тогда и обнаруживалось, что женская личность не имеет здесь своего места, что без особенного *ззора* в публичном общежитии она не может становиться рядом с личностью мужчины. Известная выработка идей и представлений в этом направлении привела вообще к тому, что женская личность своим появлением в обществе нарушала как бы целомудрие публичного общежития, не говоря уже о том, что собственное ее целомудрие при таком подвиге в глазах века погибало окончательно. Одному мужчине исключительно принадлежали интересы общественности. Он один обладал правом жить в обществе, жить общественно. Женщине оставалась обязанность жить дома, жить семейно, быть человеком исключительно домашним и в существенном смысле быть вместе с домом и домочадцами только орудием, средством для жизни общественного человека — мужчины.

В одном только случае самостоятельность женщины являлась законною и неоспоримою — в том случае, когда она становилась главою дома; а это могло произойти лишь при том обстоятельстве, когда, по смерти мужа, она оставалась *матерюю* вдовою, т. е. вдовою — матерью сыновей. И мы видим, что *мате-*

рая вдова в древнем русском обществе играет в некоторых отношениях мужскую роль; мы видим, что тип этой личности приобретает сильные самостоятельные черты и в общественной жизни, и в исторических событиях, а следовательно, и в народной поэзии, в былинах и песнях. Она пользуется и значительными юридическими правами.

Но матерая вдова все-таки была явлением случайным, в некотором смысле исключительным. Личность ее никак не может служить мерою самостоятельности женской личности вообще. Матерая вдова являлась случайным представителем дома, семьи, которая стояла уже, так сказать, на материке, т. е. на корню, ибо сыновья всегда придавали семье именно это значение корня. Вдова бездетная, у которой не оставалось под ногами материка или корня, у которой со смертью мужа разрушалась и семья, такая вдова, по убеждению века, равнялась в своем значении с сиротою и в древнейший период нашей истории вместе с сиротами, убогими, калекami и прочими и всеми беззащитными личностями поступала под покровительство Церкви, причислялась к людям церковным, *богадельным*, т. е. к людям, забота об участии которых была делом *Божьим*, потому что не была делом общественным. Вот почему вдова без сына почитает себя тоже сиротою. Одно это может уже свидетельствовать, что личность женщины не имела ни малейшей *общественной* самостоятельности и как скоро выделялась из семьи, где только и сохраняла известную долю самостоятельности, то теряла и эту малую долю самостоятельного значения и приравнивалась ко всем сиротствующим, совершенно беззащитным в общественном смысле, так что по необходимости переходила под опеку Церкви, подававшей ей руку вместо общества, которое отрицало в женском достоинстве всякий смысл личности, имевшей какие-либо общественные, а не семейные, только домашние права.

Идиллики истории очень серьезно и с подобающею ученостью, с ссылками на летописи и другие источники, с выписками подлинных текстов, доказывают, что, например, «красота жены ценилась»: Святослав женит сына Ярополка на пленнице-гречанке «красоты ради лица ее»; Ольга удивляет красотой лица греческого императора; что жена имела право на часть мужнина имения; что все заботы о детях возлагались на мать; что попече-

ния и заботы, которые употребляла мать при воспитании детей своих, давали ей в народном воззрении неоспоримое право на уважение последних; что тесная связь матери с детьми не могла не оказывать влияния на последних: характер матери явственно отражался и в детях; что девушку не стесняли в ее действиях (следуют доказательства и подтверждения о том, как девицы постригались в монахини); что дочь девица имела участие во всех событиях своей семьи; что, покидая семью родительскую при выходе замуж, девушка, однако, не прерывала связи с нею; что воспитанная в общем кругу родной семьи, одинаково согретая любовью отца и матери, русская женщина этого времени (до монголов), являясь женою, стоит нравственно на одном уровне с мужем. В этом лежит объяснение тех отношений, которые возникают между ними. Подружье — название жены в книжном языке, ладой зовет жена мужа в языке народном. Равна жена мужу в законе: кто убьет жену — тот же суд, как за мужа. (Здесь, однако ж, закон, Русская Правда, говорит вообще об убийстве женщины, а не о жене мужа.) Любите жену свою, учит детей хороший отец (Владимир Мономах, который тотчас же и прибавляет другое поученье, пропускаемое автором: *но не дайте им над собою власти*, что, собственно, значит: властвуйте над ними). Жена стоит рядом с мужем, живет с ним одною жизнью, разделяя радость и горе, сопутствуя ему всюду, участвуя в самых сокровенных его думах. Муж видит в ней лучшего друга, спутника жизни, поверяет ей все; что, где бы ни был муж, мысль о жене не покидает его; что жена была не стеснена в своей жизни, могла действовать свободно (доказательства: Верхуслава ведет переписку с епископом Симоном, принимает большое участие в монахе Поликарпе, желая устроить его где-либо епископом, — вот и все); что жена могла иметь свою собственную землю, сѣла; жена независимо от мужа могла иметь свою казну и т. д.¹

Подобные идиллические заключения носят в сознании многих изыскателей нашей старины; но, в сущности, они обнаруживают только какое-то странное сомнение во всем том, что составляет существо человека, будет ли он мужчина или жен-

¹ Русская женщина в домонгольский период. Историческое исследование Александра Добрякова. СПб., 1864. С. 32, 34, 35, 39, 57, 58, 62, 69, 77, 78 и мн. др.

щина, и что никогда не подвергалось спору, в чем ни один рас-судительный человек никогда и нигде не мог сомневаться. Все выводы, с таким усердием добытые из летописей, житий, грамот и т. д., сводятся к одному, что жена любила мужа, а муж любил жену; что мать любила детей, а дети любили мать; что женщина как член семьи пользовалась семейными правами, пользовалась известными правами как человек вообще и как член семьи в особенности. Кто же мог когда-либо в этом сомневаться? История застаёт Древнюю Русь именно на той степени исторического развития, когда семья составляет единственный и непосредственный узел народной жизни, когда семья составляет существо, основу народного быта; когда, следовательно, семейные добродетели являются неизбежным последствием, естественным продуктом жизни. Доказывать ученым образом, что муж любил жену, а мать любила детей, — все равно что доказывать, что и в старину жили также люди. Не в том дело, имела ли женщина-человек человеческие чувства, находилась ли в человеческих отношениях к отцу, к мужу, к детям; вообще, не в том дело, что именем женщины обозначался человек женского пола; дело в том, пользовался ли женский пол общественными правами наравне с мужским полом, т. е. в равной половине; была ли женская личность самостоятельна в обществе именно этою своею женскою половиною; почиталась ли женская половина необходимо и самостоятельною половиною не семьи, а самого общества; или же эта половина, в сущности, была только придатком к тому целому, которое выражалось лишь одной личностью мужчины; вообще: была ли женская личность самостоятельна в обществе сама по себе, как личность женщины, или же ее самостоятельность определялась только ее принадлежностью к личности мужской, как, например, значением жены мужа, матери сына и т. п.

Вот вопросы, которые возникают сами собою, когда намереваемся узнать, каково было положение женской личности в допетровской Руси. Мы, одним словом, не должны смешивать понятий и свидетельств о правах женщины как члена семьи, какие бы ни были эти права, нравственные или юридические, с понятиями и свидетельствами о ее правах как члена общества. Смешение, безразличие этих понятий и производит путаницу в на-

ших представлениях о характере и общественном положении древнерусской женщины.

Само собою разумеется, что в этом случае необходимо прежде всего узнать важнейшее обстоятельство, а именно: признавало ли и могло ли признавать женщину своим членом древнерусское общество; а еще ближе, что такое было, каково было это самое общество, признавало ли оно вообще общественные права личности, почитало ли оно личность общественною единицею, самостоятельным целым, которым держится само общество; ибо самостоятельность женской личности является лишь там, где является самостоятельность человеческой личности вообще, где общество носит в своем сознании, а следовательно, и в своем развитии самую идею личности, идеал человеческого достоинства, независимо ни от каких частных, случайных бытовых его определений.

Очень понятно, что русское допетровское общество в своем взгляде на достоинство женской личности не могло стоять выше тех убеждений, которые господствовали вообще в средневековом европейском обществе, которые господствуют во всяком обществе младенчествуем. Точно так же, как и везде, на равной степени общественного развития русское общество определяло нравственные и общественные права женской личности ветхим и по преимуществу восточным сознанием, что лицо женщины, каково бы ни было ее положение, не есть половина, а есть все-таки в отношении мужчины — величина меньшая; что женщина сравнительно с мужчиною есть малолеток, недоросль, член общества несовершеннолетний. Сама женская природа способствовала развитию такого убеждения.

В первую эпоху человеческой жизни в понятиях и представлениях человека господствовал и управлял всею его деятельностью идеал богатыря, т. е. идеал собственной физической силы человека. В то время физическая сила была первою необходимостью для человека, а следовательно, первым, самым высшим, почти исключительным его достоинством. В то время по естественным причинам человек везде в своей деятельности должен был богатырствовать, богатырски завоевывать себе положение и побеждать природу больше силою плеча, чем силою ума. Богатырство было исходным началом его жизни, оно же стало

и высшим его идеалом. Под влиянием этого-то идеала и созидались постепенно все первобытные воззрения человека: в его меру он мерил и все свои первоначальные отношения, все положения своей жизни.

Очень понятно, что по физиологическим особенностям своей природы женская личность не могла приравняться к этому идеалу, к этой перевозданной и тогда единственной мере человеческого достоинства. Правда, что в богатырский век и она должна была носить в себе некоторые богатырские черты, но вполне сделаться богатырем ей было невозможно. Призванная природою к рождению детей и ко всем тяжким последствиям этого действия природы, каково воспитание или собственно вскармливание ребенка и т. д., женщина одним этим действием природы обрекалась уже на страдательную, вполне зависимую роль пред личностью богатыря — мужчины, не говоря уже о том, что самый ее организм, сравнительно слабый и нежный, никогда не мог равнять ее физические силы с силами мужчины. Вот естественная причина, по которой богатырские воззрения первобытного человека очень легко могли воспитать в его сознании мысль о великом различии женского существа от мужского. Различие в физических силах обоих полов было слишком очевидно, а между тем богатырские силы, как мы сказали, были единою мерою человеческого достоинства, единою оценкою достоинства каждой личности. Таким образом, сама природа женщины, вовсе не способная отвечать своею деятельностью перевозданным идеалам человека, указывала женской личности место, которое в отношении ее самостоятельности всегда колебалось, да и до сих пор колеблется между мужчиною и его детьми.

С богатырской точки зрения женщина — существо слабое не только физически, но и нравственно, и умственно. Она отличается детскими чертами. Она даже и создана от кости самого богатыря; она в сущности его ребенок; поэтому зависимость, повиновение — вот ее идеалы, которыми она и воспитывается в течение тысячелетий, т. е. во все то время, когда в быту человеческого должен был господствовать идеал богатырский. Вообще достоинство женской личности на основании этих перевозданных идей было возведено в идеал милой жертвы, милой *хотти*, как выразилось «Слово о полку Игоревом». Соответственно

этому идеалу ценились и все качества женской личности, вся так называемая женственность, как исключительная сила ее природы, понятая лишь так, как требовал именно этот идеал. В этом идеале и выразился весь жизненный смысл женской доли, весь смысл ее роли общественной, а стало быть, и исторической.

Мы не должны также забывать, что эпоха богатырского идеала была вместе с тем и эпохою идеала родительского, т. е. идеала родительской опеки, по которому всякая почему-либо зависимая личность иначе не представлялась, как в образе малолетства.

Естественно, что навсегда слабая и зависимая женская личность должна была навсегда же сохранить в своем лице образ нескончаемого малолетства, нескончаемого детства, ибо такова была сила первозданных богатырских и патриархальных убеждений человека.

Само собою разумеется, что те же первозданные убеждения и идеалы управляли и нашим бытовым развитием. У нас по причине нашей молодости они сохранились даже с большею свежестью, чем у других европейских народов. Богатырские идеи, как и идеи родительской опеки, у нас живут еще до сих пор, а в допетровскую эпоху они были в полном цвету.

Идеал родительской опеки был основателем и устройтелем всего нашего быта. По этому идеалу создалось наше общество и государство. По этому идеалу наше общество представлялось совокупностью семьи или родни, так что его разряды, или ступени, особенно низменные, иначе и не представлялись, как малолетними, и постоянно обозначались именами родства, каковы были *отроки, пасынки, детские, молодь*. Самые низменные в общественном смысле именовались *сиротами*, т. е. людьми несчастными в смысле родства, а стало быть, и в общественном смысле, каково было вообще неслужилое земледельческое и промышленное сословие, не обладавшее властным положением в обществе.

По идеалу родительской опеки, не только личность женщины, но и личность мужчины не имела никакого самостоятельного, независимого значения по той причине, что этот идеал вообще не признавал, да и не мог понять самой идеи личности. Он знал только идею рода, идею отчества, т. е. идею принадлежности ли-

ца известному отцу или роду, идею полной зависимости лица от своего родства, вообще идею его детства, а не идею его свободы и самостоятельности. Для него независимая личность получала смысл личности *гулящей*, как и назывались вольные люди, которые, так сказать, выпадали из родового круга, т. е. из круга известной зависимости или принадлежности к тому или другому общественному разряду жизни.

Идея родовой зависимости построила по своему образцу и все эти общественные разряды, всякую другую зависимость, все общественные отношения лица, весь общественный наш быт, так что древнерусское общество в существенном и непосредственном смысле есть, собственно, не *общество*, а *родство*, ибо его общее, его идея заключалась в идее рода, а не в идее независимой личности. Вот почему и древний наш быт очень основательно называется родовым бытом.

Но, говорят, у нас не было родового быта, а был общинный быт, следовательно, и общественные отношения устраивались по другому, т. е. общинному, началу; следовательно, не только мужчина, но и женщина пользовалась правами личности самостоятельной и независимой, ибо что ж такое община, как не совокупность более или менее обособленных, самостоятельных, равноправных и независимых личностей. Действительно, понятие об общине не допускает иных представлений в отношении устройства общежития, в отношении характера общественности; общее — значит равное для всех; община — значит равенство. В общине, если она служит основой быта, невозможно представить себе какой-либо иной порядок жизненных отношений, как не порядок равенства, равноправности всех частей этого *общего* целого. Все это так. Но одно необходимо помнить, именно: какую силу представляет каждая часть этого общего целого, в чем заключается существенный смысл каждой части; какого свойства эта единица, которая служит основой, корнем всего целого; носит ли в себе эта часть, эта единица, смысл отдельной, обособленной личности, независимой личности человека, самого по себе; или она изображает совсем иное свойство, носит в себе совсем иной смысл, именно: смысл человека не самого по себе, а как представителя или выразителя чего-либо такого, в чем его личность почитается за ничто, не имеет ни малейшего

смысла и значения. Община как равенство вообще может вмещать в себе такие составные части, такие единицы, которые хотя, по естественной необходимости, и будут лицами, но вовсе не будут представителями личности. В этом весь вопрос. Наша древняя община была в собственном смысле общиною *родов* или, еще ближе, общиною хозяйств, домов, дворов, а не общиною независимых личностей. Чтобы уяснить себе справедливость такого заключения, мы должны по необходимости остановиться на спорном вопросе о характере и свойствах нашего древнейшего быта. В настоящем случае для нас это необходимо по той причине, что от уяснения этого вопроса вполне зависит уяснение вопроса: что такое было древнерусское общество и каково было положение в нем женской личности?

Люди самых противоположных взглядов на существенный характер нашей допетровской истории будут, вероятно, согласны в том, что в древней русской жизни, домашней и общественной, с особенною силою господствовало и управляло жизнью отдельных лиц патриархальное родительское начало, что оно в значительной степени господствует даже и теперь. Иначе, конечно, и быть не могло, если непреложна та истина, что русская земля расплодилось по преимуществу первобытною силою рождения, если *род* был непосредственным деятелем в образовании народной массы, если на самом деле он был растительною органическою клеточкою, основою строения каждого племени и всего народа, если, наконец, сама *община* являлась только совокупностью этих родовых клеточек, совокупностью не отдельных лиц, а отдельных хозяйств или дворов, в которых замкнулись отдельные роды или семьи. Мы пользуемся таким уподоблением, предполагая яснее и нагляднее представить отношение так называемого родового быта к быту так называемому общинному.

Такой естественный, почти физический ход народной жизни существовал везде. В других странах он еще в незапамятные времена подвергся различным колебаниям и сторонним влияниям и потому очень рано утратил свой первобытный облик, не оставив по себе слишком заметных следов. У нас, в нашей истории, в нашей жизни, сравнительно очень молодой, наоборот, такие следы можно наблюдать даже в настоящую минуту.

Родовой быт как жизненное историческое начало для многих является предметом ошибочной, даже нелепой, и к тому еще немецкой теории, а потому нередко предметом голословных отрицаний и даже остроумных шуток. Нам кажется, что отрицатели и порицатели родового быта ведут спор собственно о словах. Они упрекают противников в неопределенности будто бы понятий, заключающихся в словах *родовой*, *патриархальный*, и стараются определить эти слова, как говорится, научно, т. е. исключительно книжным путем, более в духе грамматическом, чем историческом, более грамматическим именно смыслом отрывочных текстов, а не смыслом самой жизни, разлитой в общем составе древних памятников. Оттого они усердно ищут в родовом быте *учреждения*, с одной стороны, политического, каково, например, государственное устройство, с другой — юридического, в законах и правах, и, конечно, ничего *учрежденного* в этом смысле не находят, вовсе забывая, что родовой быт не есть факт, а есть начало, стихия жизни, которая, как стихия, входит во все факты, проникает их, дает им свою окраску, формирует их, но сама нигде в особое учреждение не воплощается. Самое прилагательное *родовой* обозначает только стихийное качество быта и вовсе не указывает какую-либо учрежденную, т. е. законченную, его форму. Точно так же и существительное *род* вовсе не обозначает какого-либо учреждения, т. е. искусственной какой-либо формы, выработанной развитием общества. Это, напротив, непосредственная, естественная форма человеческой жизни, произведенная стихийною силою рождения. Если же эта форма становится нормою, стихиею не только для домашних, но и для общественных отношений народа, то, замечая повсюду ее присутствие, исследователь с полною основательностью может и весь народный быт обозначить именем этой стихии, именем начала, которое движет всем этим бытом.

Однако ж отрицатели этого начала утверждают, что «слово *род* значит собственно *семья* и что поэтому у славян родового быта не было, а была *семья и община*, что Русская земля есть изначала *наименее патриархальная, наиболее семейная и наиболее общественная* (именно общинная) земля»¹. По смыслу некото-

¹ Соч. К. С. Аксакова. Ч. I. С. 92, 93, 124 и др.

рых летописных и других свидетельств, слово *род* действительно обозначает также и семью, и даже семью в тесном смысле, на чем особенно настаивают защитники *семейной* и общинной теории. Но иначе не могло и быть, потому что семья служит составною частью или же зерном рода; понятие о роде неизбежно заключает в себе и понятие о семье. Семья служит, с одной стороны, под видом старшей семьи его корнем, его основою, а с другой — выражает под видом младших семей его размножение, его разветвление; семья, одним словом, относится к роду как частное понятие к общему. Немудрено, что в текстах эти понятия очень часто переходят одно в другое, мешаются и доставляют легкую возможность подыскать свидетельства, указывающие на тожество семьи и рода. Но что же из этого выходит? Что именно хотим мы определить, называя народный быт *семейным*? Не слишком ли широко, пространно, не слишком ли обще такое определение? Люди всегда жили, теперь живут и всегда будут жить семейно. Это неизменное условие человеческого быта, которое в отношении характеристики быта у известного народа на известной степени его развития ничего доказывать не может. Словом «*семейный*» обозначается именно тот тесный, или, вернее, частный, смысл жизни, который навсегда останется в быту человечества, какие бы формы и порядки ни принимало его развитие; останется как естественный, физиологический закон жизни. Нам кажется, что, говоря фразу: «Русская земля была наиболее семейная», мы в историческом смысле ровно ничего не обозначаем. Другое дело, если мы, невзирая на обыкновенный жизненный смысл этого слова, создадим собственное понятие о семье, придадим ей свойства и качества, каких она никогда не имела, именно свойства и качества кроткой и мирной славянской домашней общины, и назовем эту общину славянскую семью в отличие от обыкновенной семьи, от семьи вообще, тогда, конечно, мы откроем действительно характеристические черты в нашем древнем народном быте и по необходимости назовем его *семейным*. Оно отчасти так и случилось с защитниками семейно-общинного быта славян.

Рода у древних славян не было, говорят они, а была *семья*. Семья эта была семья в тесном смысле. В устройстве ее нет и признака родоначальнического, патриархального характера.

Напротив, мы видим, что *все члены в ней имеют голос в вопросе собственности*. Это назвать родовым устройством невозможно. Если бы общество было построено на основе родового, патриархального быта, так, чтобы в его устройстве находилось отражение этого быта, мы могли бы признать родовой быт основным элементом, существующим в народе (например, в Китае). Но когда пред нами явление совершенно противоположное, когда не только общество, а даже семья построена под влиянием общинного начала, как можем мы тут найти родовой быт? Что же вообще была славянская семья? Она была семья; но как скоро вопрос становится общественным, как, например, вопрос о владении (на землю право имела вся община), то она стороною к этому вопросу становилась сама *общиною*. Как скоро встречается другой общественный вопрос народного совещания — веча, она опять становилась *общиною* и от нее шел представитель: или старший, или избираемый ею (как в «Суде Любуши»). Кто из детей отделялся от *семьи* и жил отдельно, тот уже отрешался от *семьи* и не наследовал ей, — семья сжималась в числе. С другой стороны, она могла расширяться по произволу, могла принимать в свой состав родившихся с нею и даже посторонних, но в этом случае соединение делалось относительно *хозяйства*; собственность не принадлежала всем принятым (вспомним выморочное наследство), но общим было *пользование имуществом*, во время которого в распоряжениях по имуществу, естественно, имели голос не только члены самой семьи, но и все те, кого она приняла в состав свой. Раздел же был всегда возможен, ибо постоянно действовала живая, свободная воля. Во всех тех случаях, где семья являлась как община, имели голос не только дети, не только семья собственно, но и другие лица, принятые в семью. Но здесь является вопрос: при таком общинном значении семьи в известных важных случаях, где даже дети имели голос, не подрывается ли ее значение семейное, кровное? Нисколько, продолжает семейная теория. «*Семейное чувство и семейный быт* крепки были, крепки теперь и крепки будут у славянских народов, пока они не утратят своей народности. На это доказательств так много — и прошедших, и современных, что мы не считаем нужным на них указывать... *Семейное начало*, конечно, было твердо и в те отдаленные времена, о которых говорим, — и было твердо

оно как *начало чисто нравственное*; оно жило в нравственной свободе, в любви, в духе человека: оно было вполне чисто у славян, ибо с ним не связывалась выгода, ибо оно не нуждалось в житейских подпорках. Да и кто мешал *семейной общине* свободно и любовно исполнять волю отца? Из этого *объяснения* видим мы, как свято и нравственно понята была славянская семья, как всякий расчет был удален от святого семейного чувства (!). Чисто нравственная, чисто духовная сила *семейного начала* (каково оно у славян) всего более ручается за существование, глубину и вековечную прочность оного. *А чувство семейное и семейное начало*, повторяем, глубоко и неразрывно соединено с существом славянина»¹.

Вот основания тех представлений о древнем нашем быте, по которым этот быт именуется *семейно-общинным* и в которых сосредоточиваются все доказательства и доводы его защитников или отрицателей родового быта. Мы полагаем, что читатель заметит здесь несравненно более теплой любви к идеалу семейной общины у древнего славянина, чем основательного разъяснения существовавшей некогда живой действительности; несравненно более фантазии и, стало быть, поэзии, чем рассудительной, хотя бы и суровой, прозы, разъясняющей существо дела. А дело это в том, что все, что ни сказано здесь о семье-общине, именно об общинном ее значении и характере, должно относиться прямым и непосредственным образом к понятию не о семье собственно, а о *хозяйстве*, именно о *дворе*; так что если вместо слова *семья* мы поставим слово *двор*, хозяйство, по-древнему — *господарство*, то получим совершенно правильное, вполне соответствующее действительности представление о том, что именно намеревалась выяснить общинная теория. Ей необходимо было доказать, что *семья* славянская была не семьею в обыкновенном смысле, а была, в сущности, необыкновенным явлением, она была *семья-община*. Такому значению семьи вполне соответствует *двор*. Но почему семья, живущая во дворе, приобретает это значение? Потому что существо двора, его корень есть имущество, хозяйство-господарство; а хозяйство-господарство по естественной необходимости ведется, строится, наживается общими, со-

¹ Аксаков К. С. Сочинения. Ч. I. С. 92–93; ср. также с. 90 и 91.

Забелин И.

З 12 Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях / Иван Забелин. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 608 с. + вкл. (16 с.) — (Non-Fiction. Большие книги).

ISBN 978-5-389-26896-8

Иван Егорович Забелин (1820–1908) — выдающийся русский историк и археолог. Самые известные труды Забелина — «Домашний быт русских царей» (1862) и «Домашний быт русских цариц» (1869) — первые в русской исторической литературе целостные исследования повседневной жизни царского двора. Убежденный в том, что «домашний быт человека есть среда, в которой лежат зародыши и зачатки всех великих событий его истории», Забелин интересовался не только представлениями древнерусского общества о женщине и царице, но и дворцовыми правилами и традициями, одеждой, украшениями и развлечениями. И. С. Тургенев ценил в манере Забелина «ясную простоту изложения» и «русский дух» — достоинства, которые делают исследования Забелина доступными для любого увлеченного читателя.

УДК 94(47).04
ББК 63.3(2)

ИВАН ЕГОРОВИЧ ЗАБЕЛИН
ДОМАШНИЙ БЫТ РУССКИХ ЦАРИЦ
В XVI И XVII СТОЛЕТИЯХ

Ответственный редактор Алла Степанова
Художественный редактор Вадим Пожидаев-мл.
Технический редактор Валентина Дик
Подготовка иллюстраций Екатерины Мишиной, Дмитрия Кабакова
Компьютерная верстка Алины Леонтьевой
Корректоры Ольга Попова, Дмитрий Капитонов

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 03.10.2024.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 38,22 (вкл. вклейку). Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндiрушi: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгiсiнiң иесi, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Отпечатано в России. Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-NFB-35896-01-R